

Анатолий Горипякин

**НАЙТИ ЗВЕЗДУ
И БРОД В ОГНЕ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

Анатолий Горипякин

НАЙТИ ЗВЕЗДУ И БРОД В ОГНЕ

Стихотворения

г. Березовский
2010 г.

Литературно-художественное издание

ГОРИПЯКИН Анатолий Иванович

Найти звезду и брод в огне

Стихотворения

Редактор Л. М. Гержидович

Корректор З. Ф. Михасёва

Компьютерная верстка Н. А. Трофимова

Печатник Л. Д. Яковлева

В СОГЛАСИИ С ПРИРОДОЙ

Знакомство с первой книгой любого поэта всегда любопытно. Каков у автора поэтический уровень? Что он в своих творческих исканиях несёт людям? Чем интересен? Каков его взгляд на окружающий мир? Чем он близок и близок ли мне, как читателю?

Ответы на эти вопросы у каждого читателя свои. Меня, например, интересует прежде всего, как через автора проходит его родина стиха, и есть ли она у него.

В стихах Анатолия Горипякина наш Кузбасс с его неповторимыми и разнообразными реками, изумительными горными хребтами и кряжами, наша разнотипная природа, зачастую беззащитная от нашей безоглядной деятельности представлены и трогают тайные глубины души. В его стихах прослеживается мысль:

коль скоро та или иная форма государства непостоянна, оказывается обречённой на крушение, то не с нею должны быть связаны вечные моральные ценности. И он уводит читателя в Природу. Счастье – это жизнь согласно природе, в основе которой лежит разум.

Думаю, что книжка автору удалась. Палитра его стиха разнообразна. Своёобычны стихи о нашем насущном хлебе. Очень впечатляет его пейзажная и любовная лирика.

Это достойный вклад в поэтическую копилку нашего города Берёзовского.

Поэт, член Союза писателей России
Леонид Гержидович

МЕЛОДИИ ЖУРЧАЩИХ ЗВУКОВ

* * *

Ну, здравствуй!
Вижу рада встрече.
Ждала, скучала без меня.
Весёлость дня влила в наш вечер,
А от заката – страсть огня.

Ты распустила косы-струи,
И чистой свежестью своей
Прильнула с озорством игруньи
К рукам, губам, к душе моей.

Волной отбросив тень разлуки,
Ты на заре открылась мне
Мелодией журчащих звуков...
Я пил их в звёздной тишине.

* * *

Тайну зова реки
Открываю я вам.
Здесь прохладой рассвет
Дышит в спину заката,
И парным молоком
Кормит по рукавам
Табуны харюзов
В озорных перекатах.

И когда первый луч
На янтарных колье
Засияет,
Придав горным соснам нарядность,
Солнца диск на азарт
Крутит ветер-крупье.
Я в игре с перекатом
Поставлю на радость!

Забраться вверх, к истоку, выше крыши
Заоблачных, заснеженных вершин.
В слепящем солнце лечь на снег
и слышать
Ворчанье гор по впадинам долин.

Однако в путь.
Кто жилистей – на гребни.
Бросаем плот в стремительный поток.
Хохочет перекат, и плот на гребни
Волны крутой...
Но кормчий наш – знаток.

Здесь скалы возвышаются, как няньки
У только что родившейся реки.
Сияют чистотою, как из баньки,
В парчу одеты, стройны и крепки.

Река растёт, становится красивой,
Уже не рвёт стальные удила.
Протоки-пряди забрала игриво
В зеленые заколки-острова.

И катят, катят волны голубые,
И солнце ставит золотую сеть,
И плот несут потоки озорные,
И сердце рвется в небо песню спеть!

ТАЙДОН

* * *

Всегда волнуясь, будто вечность не был,
Иду к реке тропинкой в тальниках.

Здесь плёс, расцвеченный
лазурью неба,
Зовёт плескаться в белых облаках.

Друзья мои здесь броды, перекаты
И берег каменистый в полусне.
Со дна голыш смеётся, он мне как-то
Купание устроил при луне.

А воздух лёгкий – дышится до пяток -
Уносит вверх, к гольцам дремучих гор.
И в синей дымке подо мной распадок.
Тайдон отсюда рвётся на простор.

За спины гор закат от взора скрылся.
От крупных звёзд
прогнулась ночь к земле.

И пенем исцеляющим пролился
Шум переката в чуткий сон ко мне.

Случится немощь,
хворь ли гложет кости,
Мне не нужны микстуры и родон.
За кряж, за Салтымаковский,

забросьте –

Меня там ждёт стремительный Тайдон,
Как путы разорвавший верный конь.

Там, выгнув шею, скалы огибая,
Он катит воды, горд и величав,
И переката камни разбивая,
Со звонким ржаньем, брызги разбросав,
Выходит светлым плёсом, чуть устав.

Он ищет запах мой на горных кручах,
В ручьях из вечных тающих снегов,
В повисших на деревьях грозных тучах,
Ноздрями ловит аромат цветов
И пыль дорог разбитых, без мостов.

Сравнил с конём тебя, Тайдон любимый.
Нет дня, чтоб я не думал о тебе,
Нет года, чтоб прошёл тебя я мимо.
Как ты, не сдамся в жизненной борьбе.
С тобой я всадник, верный сам себе.

И раненые стонут небеса,
Пугая рыком зверя по лесам,
И на Тайдон, не ведая вины,
Швыряют с гор громады-валуны.

Дождём в прижиме я захвачен в плен
Как узник, заперт меж скалистых стен...

* * *

Есть на Тайдоне пережат,
Сильней других он во сто крат,
А голос – громовой раскат.
И встрече с ним всегда я рад.

Он принял с радостью мой плот.
Разгон, полёт, душа поёт,
На крыльях гребей в поворот
Внёс, обходя водоворот.

Несёт стремглав,
Скал не касаясь.
Вот это сплав!
Чуть страшно, каюсь.

На плёс он вынес на руках,
И мне прощальный сделал взмах
Волной высокой с синевой
Да пеной с нежной белизной.

Прощальный поклон...
Отдохни, мой Тайдон,
От блёсен, жерлиц,
От колёс, гусениц,
От свар, передряг,
От чинов и бродяг...
От них на засов
Спрячь стада «харюзов».

Разлука не в мочь.
И последнюю ночь
Тайдон до утра
Слушал я у костра.

Хариус

Циркачом на канате
скольжу по камням переката.
Стремнины хрусталь
на звёздную россыпь дроблю.
Струи, как струны, поют,
исполняя токкату.
И эхом разносится песня
в таёжном краю.

Вечер над речкой
соткал из мошки покрывало.
Солнце костром
опрокинулось за горизонт.
Рябчик свистит,
подруг на ночлег созывая.
Шепчет ветру река:
«Норов свой урезонь».

Час настал...
Закипела вода ключевая.
Сверкают в полёте «корсаров»
стальные тела.
Черныш-старожил,
молодь в прыжках обучая,

В крыло обратил свой плавник
из цветного стекла.

Молния!

Миг красовался в полёте за мошкой,
Беспечно кружащей над светлой водой...

Шелохнуться боюсь,
затаился, что кошка,
Растворился в вечерней прохладе
седой.

Мой плот

В дугах скального капкана
Ищет выхода река,
Чтоб извергнуться вулканом
На свободу. А пока...

Плёт недвижим, как болото.
На стремнину! Да скорей!
Весели, мой плот, полётом
В гребнях волн среди камней.

Потянуло. Словно в глотку
Опрокинулась река.

Сжали гордую красотку
Страстно руки-берега.

На раздумья нет секунды.
Пулю в ствол уж не вернуть.
Стонут мускулы–корунды,
Дух борьбы волнует грудь.

Рвёт порог в безумной пляске
Вязки брёвен из корней.
Стонет плот от дикой тряски
На клыках речных камней.

Он волной хлестал, пытался
Нас в залом загнать, как в клеть,
На дыбы мой плот поднялся,
Как скакун, почуяв плеть.

Берёзовский родник

Есть в милом мне краю
Заветные места
В берёзовых лесах
И на таёжных реках.
Я с радостью дарю
Одно из светлых мест
На тихом берегу
Среди берёз-невесток.

Берёзовский родник –
Приветливые струи.
Как свет добра земли
Он в душу мне проник.
Берёзовский родник
Серебряной струной
Мелодию любви
Поёт земле родной.

А завтра приведу
Я внуков и детей,
И здесь на берегу
Чудесного Барзаса,
С молитвою войду,
Как в храм я к роднику,
С ладоней передам
В наследство мир прекрасный.

Шум переката глуше,
С камней сползает грусть,
И ветер хлещет стужей
В распахнутую грудь.

Тоскливой песней зяблик
В путь дальний проводил
Последний лист-кораблик,
Сорвавшийся без сил.

Там, где вчера цветами
Пылали острова,
Морозными серпами
Подкошена трава.

И лишь костёр мой жаркий.
Здесь с милою вдвоём,
Как чай лесной заварки,
Любовь мы жадно пьём.

ШАГНЁМ К СЕБЕ, В НАШ НОВЫЙ ГОРИЗОНТ

Встреча

* * *

Льётся свет любви с бульвара.
В звуки милой простоты
Романтической гитары.
Я вхожу.
Навстречу – Ты.

Грудь раскрыта.
Рвутся почки
Свежей, сочной листвой,
Ножки стройно пишут строчки
Песни красоте земной.

Волосы струёй на плечи...
Я осмелился на речи:
«Чья ты, девица краса?»
Улыбнулась – «Я Весна!».

* * *

Живу я нашей встречей.
Ты излучаешь свет.
Приветливые речи –
От них покоя нет.

Приблизила в полёте
Изящный гибкий стан.
Ты совершенство плоти
И чувственный вулкан.

Юна, стройна, красива
В разбуженной заре.
Уста – рубинов диво
В улыбчивой игре.

Пойдём со мной

Пойдём со мной и там поставим дом,
Где солнце землю словно придавило,
Осыпав кисти спелые малины,
Разлило сок на небе голубом.

Там ветерок лебяжьим пухом нежит,
Река, как мать, поговорит, утешит.
Из запашистых трав устроим ложе,
А бесконечность звёзд заснуть поможет.

А утром солнце лишь поднимет веки,
Лучами озарит леса и реки.
И засияют в росах самоцветы,
И выйдет день с улыбкой и приветом.

Росинки соберу тебе умыться,
Родник хрустальный пригласит напиться,
Прольётся солнце золотым дождём...
Пойдём со мной и там поставим дом.

* * *

Лишь с тобой мне день,
зорька алая.
Льётся радостью –
струйкой талою.
Свежий ветер ты
в парусах мечты.
Как Весну, тебя
уберу в цветы.

* * *

В глазах надежда с болью.
Зачем нашла коса
Твой сад, где я с любовью
Свой светлый стих писал?

И, где мечту лелея,
Встречал с зарёй рассвет
И пил с росой хмелея
Твой непорочный след.

Взгляд
Любимых глаз
Вспыхнул и угас
Звездой упавшей.

Лёд
Прощальных фраз
Разделяет нас
Бездной страшной.

Лист
На мостовой
Мрачной и сырой
Осенней ночи.

Боль
В груди пустой...
Ты не рви, постой,
Сердце в ключья.

Прихватила хворь клешнёю,
на ноль три звоню:
«Приезжайте, не пойму я,
жив или в раю».

Ангел мило улыбнулся,
чистый жемчуг показал.
И зубами узел боли
мне на сердце развязал.
Взмах крылом – и нет тумана,
ручеек звенит.
Голосочек, как звоночек,
песнею летит.

С глаз моих слезу смахнула
лепестками губ,
И почувствовать дала мне
ласку нежных рук.
И, вдохнув в меня сто жизней,
чудо наяву,
Добрым взглядом подарила неба синеву.

Господь, молю, дай силы мне
К Весне пробиться сквозь сугробы.
Найти Звезду и брод в огне
Средь мыслей отрешённой пробы.

И разломать недуга лёд,
И сбросить саван зимней стужи,
Вернуться в прерванный полёт
К моей любимой.
Я ей нужен.

* * *

Так незаметно подступает вечер.
Шагнём к себе, в наш новый горизонт.
Пой, соловей, ведь солнцу не резон
Ждать с нами запоздалой встречи.

И мы войдём в прекрасный мир заката.
В мир чистых, ясных красок без теней.
Без тьмы и раздражительных огней.
В мир тишины без грозových раскатов.

Дыханьем стану я зари вечерней
И прикоснусь к пленительным плечам,
К твоим губам, загадочным очам,
Своей душой восторженной и верной.

Продлись и всеми красками сияй,
Любви моей, о трепетное чувство,
Как музыка, как чистое искусство
Моей любимой душу окрыляй.

И мы с тобой построили наш дом.
На месте том, где над речной долиной
Пылало солнце в зарослях малины
И разожгло нас чувственным костром.

И засияла красками заката
Испытанная временем любовь.
Твой взгляд, что подарила мне когда-то,
Как прежде, снова будоражит кровь.

А пережат в сиянье золотом
Последнего луча, спешит заполнить
Страницы нашей жизни и запомнить,
Как мы с тобой
вошли в наш светлый дом!

Мама

Родная, дай свои мне руки.
Я к ним губами припаду,
И словно в дом, где детства звуки,
В твои ладони я войду.

Как прежде ты меня ласкаешь
Лучистым взглядом тёплых глаз.
И боль мою ты принимаешь,
Как личную, в который раз.

В который раз я обещаю
Не забывать, писать, звонить...
Любимая, родная, знаю:
Мы можем, молча говорить.

Когда паломник, источив свой посох,
До мест святых молитву донесёт,
Свершит обряд, посыплет наземь просо,
Зерно его на камне прорастёт.

Так я,
верстами строк пришёл в твой дом.
На круг собратьев по перу и вере.
Здесь хлеб благословляется крестом
И доброта искрится в атмосфере.

Здесь в ауре любви и светлых фраз,
Спасительным теплом согреет душу,
Её живого строя, не нарушив,
Взгляд чутких, по-отцовски добрых глаз.

Тебе не подарю я альпеншток.
Душой проник ты к камню, гор знаток.
Не сможешь ты вонзить стальной оскал
В слезящие прожилки мудрых скал.

Случится на пути твоём залом,
Канат с надёжным дружеским узлом
Найдёт тебя в теснине снежных гор,
Не даст свершить стихии приговор.

Когда лишь волей бьёшься к высоте,
Стучит в висках, и силы уж не те,
Из лёгких вырву воздуха глоток –
Вдохни, сверши победный свой бросок.

Твой путь не в одиночестве, браток,
Так нужен ли холодный альпеншток?

Последний костёр

Всё чаще сон срывается с осей,
И вспять несётся голова седая.
Мне память воскрешает круг друзей:
Шесть верных нот
и соль костра – седьмая.

Костёр жил лишь теплом последних
встреч.

Он угасал под пеплом угольками.
Корил себя, что не сумел сберечь
Истёртых струн, истерзанных колками.

Разбит.

Я сел, как парусник на риф,
Когда обрывки струн
с костром прощались,
И пальцы пламени обвили гриф,
И соль ушла в мелодию печали.

Дед Федот

Из забоя на фронт дед Федот уходил.
«Сколько ворогов ты на войне уложил?
Расскажи, ордена-то за что получил?», –
Привязались мальчишки –
отбиться нет сил.

И Федот, весельчак, на язык он остёр,
Вдруг смутился по-детски,
цигарку растёр,
И в глазах со слезою заспорил костёр.
«На войне был я, братцы,
всего-то сапёр.

Не винтовку держал я в руках, а топор
На дорогах устраивал танкам затор.
Ладил я переправы, мосты для солдат,
Чтобы шли в наступленье
без всяких преград.

Не сказал дед Федот
про осколок в бедре.

Ранен был,
когда ладил мосты на Днепре.
Непонятно нам было, тех лет малышне,
Как же так –
не стрелять по врагу на войне?

* * *

Ходят по бульвару бабушки седые,
Дроби да частушки юных лет живые.
Вспомнят вечеринки, поцелуи с милым,
Фронт забрал милого,
плакать нет уж силы.

Новая фуфайка, чуни к стройным
ножкам –
Стрёма никакого, фото на обложку.
В шахте газомеркой отметили беды,
Уголь добывали фронту для победы.

Жили так все люди и детей растили,
Ждали вести с фронта,
ночью слезы лили.
Выжили! Сменили чуни на сапожки.
Встретить день Победы –
вдёрнули серёжки.

ХВАЛА РУКАМ, ЧТО ПАХНУТ ХЛЕБОМ!

* * *

Город радуется встрече.
С первым утренним лучом,
Прилетел от жаркой печи
Запах хлеба в каждый дом.

Открывай своё оконце
Да с улыбкой позови
В золотом сиянье солнца
Хлеб с замесом на любви.

* * *

Как отца, чту подателя блага,
Хоть и сам уж с седой головой,
Я, рождённый войной и ГУЛАГом –
Тогда хлеб заменяли травой.

А теперь ароматный, пшеничный
На руках вожделенно держу.
И ребёнком седым я привычно
На ладошку все крошки сложу.

Да и радуюсь я, как ребёнок,
Сладким булкам, красивым тортам.
Это – жизнь! Это – мир!
И в пелёнки
Слёз голодных не лить матерям.

Чужое всё,
Лишь время наше.
Бежит, скользит меж чуткой стражи,
Не сохранить и не сберечь,
А сколько в долг отдал – не счесть.

О должниках своих забудь,
Не смогут время вам вернуть.
И поздно бережливым быть,
Когда осталось лишь на донце.
Не только мало, чтоб испытать –
Остатки самых скверных порций.

* * *

Врага нет хуже, чем толпа,
Где ты сияешь добрым нравом,
И каждый здесь считает правом
Своим пороком вас прельстить,
Запачкать либо заразить.

Здесь неокрепшая душа
Легко падёт, добро круша.

Год свиньи

К веселью призывали святки,
Морозной свежестью звеня.
А с неба звёзды без оглядки
Гнала свирепая Свинья.

Сияла звоном колоколя,
Искрилась святость в образах.
А на душе – каменоломня,
И тяжкий реквием в слезах.

Отравленная вера

Тут кричи, не кричи безучастны
Пристыжённые окна зарёй.
Отравили щенка.
Друг несчастный
Был излишне доверчив порой.

Над слабеющим тельцем собачки
Я в слезах умолял небеса:
Пробудить добродетель от спячки
И грехи отпустить подлецам.

Я глазам затуманенной веры
Лгал, спасаясь надеждой святой:
«Друг, поверь, люди могут, как звери,
Быть с открытой и доброй душой».

Берестинка

Нежной тоненькой полоской
Разболтавшись с ветерком,
Берестинка от берёзки
Оторвалась и тайком
С ветром – вот она свобода!
Птицей взмыла в облака.
Я люблю!
Что – непогода!
Пусть опасность велика.

Закружил вдруг вихрем ветер
И беляночки любовь
С мусором смешал злой вепрь
В круговерть, и был таков.

Жизнь сломалась, с нею радость
В чёрных ветвях заплелась.
Горька той свободы сладость,
Чтоб вкусить её хоть раз.

ПОД СЕНЬЮ АРКИ КРУЖЕВНОЙ

* * *

Тропа поёт.
В романс лесной
Душевно соловей вступает.
Под сенью арки кружевной
На струнах солнца тень играет.

Травинки ластятся к стволам,
Как пальцы женщины игривой,
Ласкают, нежат по ночам,
Чтобы наутро стать любимой.

Цветы изящно поднимают
Бутонов чувственный вулкан,
Призывно лепестки сияют,
Соблазном вьётся гибкий стан.

Я обращусь тропой знакомой,
Прольюсь дождём из звонких струй,
И подарю траве шелковой
Души и сердца поцелуй!

Новорожденный

Табун расступился вокруг кобылицы,
И свет материнства любовью залил
Весеннее утро святой радуницы,
И встал жеребёнок, беспомощно мил.

Суровый закон в табуне для младенца.
На нежность и ласку минут не дадут.
Он в первый день жизни
на слабых коленцах
Идёт в табуне. Вороны не ждут.

И кажется мир ему этот пустынным,
Он ловит ноздрями лишь запах родной,
И мечется мать меж конями и сыном,
И ласковым ржаньем вселяет покой.

Но вот испытанье – речная стремнина.
И, страх поборов, жеребёнок в волне.
Но вглубь его тянет лихая пучина,
И где его мама, в какой стороне?

И словно сорвавшийся с ветки листок,
Подхваченный ветром несётся к беде,
Уносит жеребчика бурный поток,
Кобыла спешит – не глумиться волне.

Собою воздвигла живую плотину,
И, мордой младенца прижала к себе.
На берег рвалась из кипящей пучины...
Любовь материнства всесильна в беде!

Кузнецкий Алатау

Как тяжело в мире, как легко в лесу!
В узорных листьях заплелась тропинка.
По ней к реке я свой восторг несу,
Сияет солнце в чувственной слезинке.

По тундре клюквы россыпи во мхах,
Над ней насупившись склонились горы.
В оскалах бездны стонут на ветрах
Кедровников взъерошенные боры.

И на вершине в снежном серебре,
Бескрайней дали радуясь по-детски,
Молюсь во благо, с верой о добре,
О красоте родной земли Кузнецкой!

Дачный роман

Зовущие токи весна принесла.
Как в юности дрожь сотрясла моё тело.
Она словно сон, нет – явилась из сна,
И взор откровенный шептал:

«Я созрела,

Созрела для сильных объятий мужских,
К любви для тебя, мой избранник,
созрела,

Войди в страсть безумных
желаний моих...»

И блеском лучистым меня разогрела.

И всё закружилось: земля,
стройный стан,
Она изощрялась в своём совершенстве
Как землю взметнув остывает вулкан,
Она хорошела, я ж гибнул в блаженстве.

А чувство разлуки знакомо ли ей?
И я, угасая на углях заката,
Бессильно склонился к любимой моей:
«До встречи, моя ты, стальная лопата».

* * *

Зарылся город в тёплый бархат ночи.
Смолк шум машин, и окна спать легли,
И вышли к людям сделать ночь короче
Под звёздным небом жёлтые огни.

Лирический фонарик над скамейкой
Мечтою жил, поэзией дышал.
И нежные сонеты с грустью флейты
В тиши ночной влюблённым изливал.

Осень

Снежок кружит – предвестник вьюг,
Шурша пошла шуга излукой,
Прохлада свой звериный нюх
По ветру тянет, чует звуки:
Промёрзших трав унылый звон
И взмах последней паутинки,
Плакучей ивы слабый стон
И буйство родника под льдинкой.
Берёзка, прикрывая грудь
Ажурным, лёгким покрывалом,
С ветвей поникших тихо грусть
На лапы кедра изливает.
И лишь земля хранит тепло,
Листвой укрывшись жёлто-алой.
На мозаичное панно
Ковёр шелковый поменяла.

Фонарь

Снежный пух берета, сдвинув на бок,
Светом поднял занавес ночи.
В танец звёзд вошёл с еловых лапок
Круг снежинок в пачках из парчи.

Жёлтый свет в морозном ореоле,
Льются нежной музыкой лучи.
Взял фонарь-маэстро на виоле
Чувств моих скрипичные ключи.

Синий блюз в мелодии той или
«Песню Сольвейг» вспомнил при луне,
Но создал он светлый образ милой
На любовь настроенной струне.

Зимовье

Тропил по следу, до луны дойдя,
Свинец в ногах, а на лыжах подковы
Я нёс к зимовью, зная загодя,
Что завтра то же, только путик новый.

В избушке морозяка гостевал:
Ведро расправил на своей болванке,
Мышам на стол он крошек подсыпал,
Да всласть валялся на моей лежанке.

Прожорливая печка заглотила
Смольё щепы, пудовые поленья,
И, как дракон, из пасти испустила
С огнём и жаром леность и томленьё.

Уж чайничек хрыкастым собольком
Прыжком на стол, и ужин предлагает.
А я во сне по лужам босиком,
И в брызгах радуга играет!...

* * *

Зевнули окна под вуалью ночи.
Рекламой супермаркет засверкал.
Вертлявые «жуки», фырча, челночат,
Смывая пыль с асфальтовых зеркал.

Плотнее ночь задёргивает шторы,
Оберегая сладкий сон детей,
И приглушает бархатом моторы,
На шахты, увозящие людей.

В умытых тротуарах отражаясь,
Приветливо сияют фонари,
Шеренгой стройной смену провожают
И будут ждать до утренней зари.

* * *

Душа моя, страдальная Россия,
Глумленье допустила над собой.
Взываю к небесам: приди, мессия,
Останови кощунственный разбой:
На горне горя души переплавить
И ржавой цепью совесть обмотать,
А десять вековых заветных правил
Надменно в дно болотное втоптать.
Сынам Отчизны с чистыми руками
Ты подари всесильный стяг святой.
И забурлит земляца родниками,
А нечисть всю раздавим под пятой.

Загон

В загон согнали и гнедых, и рыжих.
На круп – тавро, а скальпели-кнуты
Ломают болью вольных да ретивых.
Уж кровью захлебнулись пауты.

Мне б закричать, когда они старались
В дугу загнуть ветров свободных путь.
И, сдвинув шоры на глаза морали,
Степь вольную супонью затянуть.

Повисли на узлах калмыцких стоны,
Истёрлась воля в путах на ногах,
А непокорных вырвут из загона
И шкуру полосуют на боках.

На раны пластырем лёг дёготь ночи.
Змеёй свернувшись, спят кнуты в траве.
Мне не до сна, раздумье душу точит,
Клубком вопросы вьются в голове:

«Как зло вползло

сквозь щель тысячелетий

В согласие Природы и людей?

И как любовь дать силе вместо плетей,
И ветру – поле, табунам – степей?»

* * *

Причёска мыслей стянута узлом.
Жизнь сводится к конечной точке.
Сломалось то, что гнало напролом.
Уж лучше...
Но не гнить болотной кочкой.

Деревья умирают стоя

Указы, кодексы, реформы...
Для нас так это для проформы.
На веники вы обломали ветки,
Создатели российской клетки.

Зачем же драть седьмое лыко,
Лишь доказать, что душ владыки?
Приснилось, что едим котлетки.
И пьем «кремлевские» таблетки?

А может воздухом, что дышим?
Команду «сдохнуть!» мы не слышим?
Не пыжьтесь вы, чины постоя,
Деревья умирают стоя.

Поезд в тумане

Тревожно встретил я рассвет,
Ползучий, в серой мгле тумана.
Но с верой в день я взял билет –
И в путь, от станции «Обмана».

А в мозг вбивает стук колёс:
«Плати – плати – плати – плати – те».
Плачу из кошелька для слёз
По каждой букве в алфавите.

И вижу: лучше стала жизнь
У тех, кому мы щедро платим.
Мотает поезд, лишь держись.
Держись, как без гвоздей распятый.

Река закрылась панцирем от мира.
Передохнуть, да раны зализать,
От сумасшедшего людского пира,
От нелюдей, готовых только рвать.

И если мы создание Природы,
Тогда зачем с Природой на ножах?
Прокусывают вены рек заводы,
Вкушая свежесть на стальных зубах.

Взамен бесстыдно извергаем гадость,
Рубцы и язвы режем в берегах...
Как мерзко, что испытываем радость
В насильственных, убийственных делах.

Салтымаково

1

Метались испуганно люди и тучи,
Зияла багровою раной луна.
Навзрыд Томь река
перекатом под кручей
Ревела, селом пролетел сатана.

Он в пляске безумной
срывал двери с петель,
Людей гнал с обжитых,
насиженных мест,
Стада и отары низал он на вертел,
«Село затопить!» – указал его перст.

2

Споткнулся рассвет о руины и горе.
Паром уходящий рвал душу свистком.
И русская баба молилась на взгорье,
К земле припадая нательным крестом.

Призрак стонет в печных дымоходах,
За крестами забитых окон.
Деревянная Русь на задворках,
Лишь в могущество верит икон.

Люди-тени, глаза их остыли,
Растворились в загадочной мгле.
И торчат позабытые вилы
В неухоженной русской земле.

3

Отбелённым льняным сарафаном
Вышел голос к ухабам дорог.
Запах Родины под целлофаном
На постыдный пускается торг:

«Пирожки, пирожки покупайте,
Со слезами, да с горькой судьбою,
Дом кедровый на слом забирайте,
Лишь подкову возьму я с собою».

На бескровных устах молодухи
Я угадывал след теплоты,
Той мечты, что свирепые духи,
Растоптали по дну пустоты.

Где то море?
О нём ты забыла.
Ты забыла, кем думала стать.
Где надежда?
Её погубила
Бабы русской способность страдать.

Шахта

1

На границе тьмы и света
«Примой» чувства в ноль свели.
И, презрев Творца заветы,
В чрево Матушки-земли
Нас уносит скип вагончик
На лебёдочной струне.
Я не слышал страха громче
Наяву или во сне.

Пронесло! Не забурился.
Скип уткнулся в свой заезд,
Видно, я не зря молился,
Сжав в руке нательный крест.
В лаву, в тайну преисподней,
Шло звено лихих парней,
Шло гирляндой новогодней
Из двенадцати огней.

2

Завтракать – святое дело.
Соблюдаем ритуал:
Всё звено удобней село,
Со струи уйдя в завал.

Пайку в двух листах газеты
Развернул наш звеньевой:
И конфеты, и котлеты –
Знать, живёт в любви с женой.

И в моей газете щедро
Любящей жены тепло.
Я принёс в сырые недра
Бутерброд на полкило.

Чесночок пошёл по кругу,
И беззлобные смешки:
«Салом смажьте щёки другу,
Ишь раздулись, как горшки».

Враз поели.
Прихватили
Пилы, мерки, топоры.
Дружно встали и вступили
В спор с давлением горы.

3

И запели пилы дружно,
Заплясали топоры.
Нам, атлантам, с честью нужно
Свод держать земной коры.

Стойки в строгости с паденьем
Загоняю я с плеча.
Бьёт «балда» с остервененьем,
Кровь в работе горяча.

4

Вот призывный сигнал –
Заскрипели скребки.
Как в обойму вогнал
Я на крепь рештаки.

Шнек врубается в пласт,
Рвёт клыками забой,
В ненасытную пасть
Уголь хлынул рекой.

Друг отброшен в завал.
Коль орёт – знать живой.
Каску вмиг разломал
Ком породы шальной.

Я момент украду,
Поднырну под поток,
Постелю на ходу
Рештаки на замок.

Отпотел «лепесток»,
Пыль комками плюю.

Угля мощный поток
Опрокинул струю.

Стало трудно дышать,
Обнажаю я грудь.
Может газ помешать.
Нам продолжить свой путь.

Но комбайн наш идёт,
Стонет трос от рывков,
И с углём лава льёт
Пот и кровь горняков.

5

А шкив крутился со скрипом горя.
Обрывок троса сиреной взвыл.
И свет метался, с зазором споря,
И кто-то матом кого-то крыл.

Прогрохотала бедой оплата
За дерзкий, тяжкий
шахтёрский труд.
А шкив крутился, считал проклятья
Во глубине сибирских руд.

Золотая долина

Здесь боль земли в изрытых берегах,
В стерильных речках без песка, без ила.
Ползёт от буйства драги перегар
В отроги разорённого Таскыла.

Здесь девственность красивейшей тайги
Поругана за унцию металла,
И каждый камень стонет: «Помоги!
Природа раны врачевать устала».

На склоне лет, истерзанный судьбою,
Задавлен опытом борьбы пустой,
Я встретил парня, речью смелой, злою.
Он власть клеймил,
к народу что с враждой.

Он верил в род людской и дух свободы.
Он видел правды луч,
сверкающий вдали.
Он знал, как истинно живут народы.
А я воды ему: «Ты жажду утоли».

Ледоход

Мы не вправе учить молодёжь.
Что мы дали? Разруху и ложь.
Тыча пальцами в небо, вот мол
Раскрутил жернова мукомол.

Научить. А чему? Не мешай.
Помоги, опыт дай, не влезай.
Не настаивай, чтоб было так,
Как и мы – жизнь отдали за мрак.

Всё наследство – корыто да смрад.
Пайке жалкой безмерно был рад.
Руки скручены, в горло вбит кляп.
Люди ночи, потупленный взгляд.

Так не будет. Умней молодёжь.
Ты достоинства ей не займёшь.
Не мешай. Набирает пусть ход
Ледоход.
Чистит дно ледоход.

* * *

Унизили, предали, разорили.
И жадность кланов встала на крыло.
К кормушке власти
с визгом лезут рылом.
Бог им судья.
Но отчего светло?!

Нам высший разум правит все ошибки,
Вернул достоинства и чести свет,
На лица – неподдельные улыбки,
И чувствам нежный яблоневый цвет.

СОДЕРЖАНИЕ

В согласии с природой. Л. Гержидович	3
МЕЛОДИИ ЖУРЧАЩИХ ЗВУКОВ	5
Ну, здравствуй... ..	5
Тайну зова реки... ..	6
Забраться вверх, к истоку, выше крыши... ..	7
ТАЙДОН	8
Всегда волнуясь, будто вечность не был... ..	
Случится немощь... ..	9
Дожди Тайдона	10
Есть на Тайдоне пережат... ..	12
Прощальный поклон... ..	13
Хариус... ..	14
Я к встрече желанной... ..	16
Мой плот	17
Березовский родник	18
Шум перехата глуше... ..	19
ШАГНЕМ К СЕБЕ, В НАШ ГОРИЗОНТ	20
ВСТРЕЧА	20
Льетса свет любви с бульвара... ..	20
Живу я нашей встречей... ..	21
Ей наскучило день открывать в вышине... ..	22
Пойдем со мной	23
Лишь с тобой мне день... ..	24
В глазах надежда с болью... ..	25
Твою струну невольно я задел... ..	26
Взгляд... ..	27
Прихватила хворь клешнею... ..	28

Господь, молю, дай силы мне...	29
Так незаметно подступает вечер...	30
И мы с тобой построили наш дом...	31
Гори, свеча!	32
Я на исходе дня остановлюсь...	32
Мама	33
Жанна	34
Л. Г.	35
Ю. М.	36
Последний костер	37
Дед Федот	38
Ходят по бульвару бабушки седые..	39
ХВАЛА РУКАМ, ЧТО ПАХНУТ ХЛЕБОМ!	40
Город радуется встрече...	40
Когда младенец жадно припадает...	41
Как отца что подателя блага...	42
Чужое все...	43
Врага нет хуже, чем толпа...	44
Год свиньи	45
Отравленная вера	46
Берестинка	47
ПОД СЕНЬЮ АРКИ КРУЖЕВНОЙ	48
Тропа поет в романс лесной...	48
Новорожденный	49
Кузнецкий Алатау	51
Дачный роман	52
Зарылся город в теплый бархат ночи...	53
Осень	54
Фонарь	55

Зимовье	56
Зевнули окна под вуалью ночи... ..	57
ДУША МОЯ, СТРАДАЛЬНАЯ РОССИЯ	58
Чернильно-черное, в багряных шрамах... ..	58
Душа моя, страдальная Россия... ..	59
Загон	60
Прическа мыслей стянута узлом	61
Деревья умирают стоя	62
Поезд в тумане	63
Река закрылась панцирем от мира... ..	64
Салтымаково	65
Шахта	67
Золотая долина	71
На склоне лет, истерзанный судьбою... ..	72
Ледоход	73
Унизили, предали, разорили... ..	74

Анатолий Горипякин

НАЙТИ ЗВЕЗДУ
И БРОД В ОГНЕ

Стихотворения

Сдано в набор 15.III.2010 г.

Подписано в печать 15. IV.2010 г.

Формат 60x84¹/₃₂. Бумага снегурочка. Гарнитура Arial.

Печать – ризограф.

Усл. п. л. 2,5. Заказ 3079. Тираж 100

Отпечатано в ООО «Полиграфист»,

г. Березовский, Кемеровская обл., ул. Мира, 38.

ИНН 4250000145. 2010 г.

